

ЗНАНИЯ И НАВЫКИ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ · 1993

С. Ф. КОКШАРОВ

ОХОТНИЧЬИ ЯМЫ-ЛОВУШКИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СИБИРИ

На северо-западе Сибири свердловскими археологами открыты сотни и в результате раскопок изучены десятки археологических памятников. Среди них большое количество укрепленных и неукрепленных поселений, единичные могильники и святилища. Изыскания 1985—1990 гг. позволяют пополнить перечень еще одной группы объектов. Это ямы-ловушки таежных охотников, которые продолжительное время принимались за жилищные впадины и ошибочно фиксировались на планах в качестве поселений. В этой связи необходимо обобщить весь накопленный материал и наметить круг проблем, возникающих при изучении данной категории источников.

Объекты, связанные с промыслом животных, отличаются от других археологических памятников, и прежде всего поселений, топографией, планиграфией, а иногда и обликом визуально фиксируемых на поверхности остатков. Следует отметить, что ловчие ямы легче распознать в тех случаях, когда они группируются и образуют какую-либо систему. Топография данных промысловых объектов в целом близка и, по-видимому, не имеет существенных локальных различий. Ямы располагаются на незаливаемых паводком боровых террасах, возвышающихся над заболоченными поймами. При их возведении максимально использовались преимущества пересеченной местности. Впадины, отмечаемые на поверхности террас, как бы отсекают вдающиеся в болота боры-беломошники и располагаются в цепочку в наиболее узкой части мысов (Геологическое I, II, XXI на р. Эсс, северном притоке р. Конды) или по их основанию (Амня III, IV на реке с эпонимным названием в бассейне р. Казым). Казымские материалы свидетельствуют, что ловушки выкапывались на местности как по прямой линии, так и по дуге. Отличное от рассмотренных вариантов расположение промысловых объектов известно на реках Ем-Еган и Мал. Сосьве (бассейн р. Сев. Сосьвы). Системы ям образуют здесь линии, параллельные коренному берегу реки. Необычную топографию

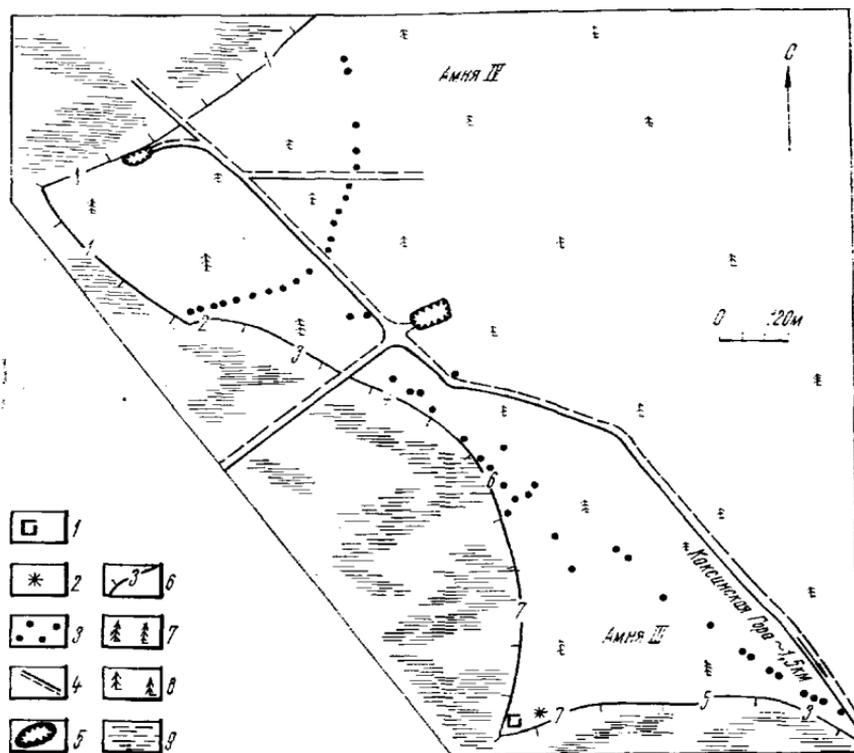

Рис. 1. Системы ловчих ям Амня III и IV в бассейне р. Казым

1 — городище Амня; 2 — поселение Амня; 3 — ловчие ямы; 4 — грунтовая дорога; 5 — карьер; 6 — границы боровой террасы и ее высота над болотом; 7 — основной бор-беломошник; 8 — выруб; 9 — болото. Размеры ям не соответствуют масштабу плана

имеет также комплекс ловушек Геологическое XVII на р. Эсс. Они выкопаны в ложбине между двумя возвышенностями на левом коренном берегу реки.

Известные на сегодняшний день системы включают от двух до 20 и более объектов (впадин). Количество ям зависело, вероятно, от интервала между ними и расстояния, которое они перекрывали вместе с изгородями. Самые протяженные комплексы, достигающие 700—800 м, с многочисленными ловушками открыты в бассейне Казыма (рис. 1). Системы с прямо противоположными характеристиками (небольшие, с малым числом ям) известны в верховьях Конды (рис. 2). Наблюдаемые несоответствия обусловлены, очевидно, особенностями рельефа местности. Если в первом случае памятники находятся в глубине слабоизрезанной террасы, удаленной от русла довольно полноводной реки, то во втором — ловушки размещаются поперек узкого мысовидного выступа, круто уходящего от реки. Кстати, в бассейне Конды узкие боровые террасы, расположенные под прямым углом к руслу реки, — самое обычное явление [1].

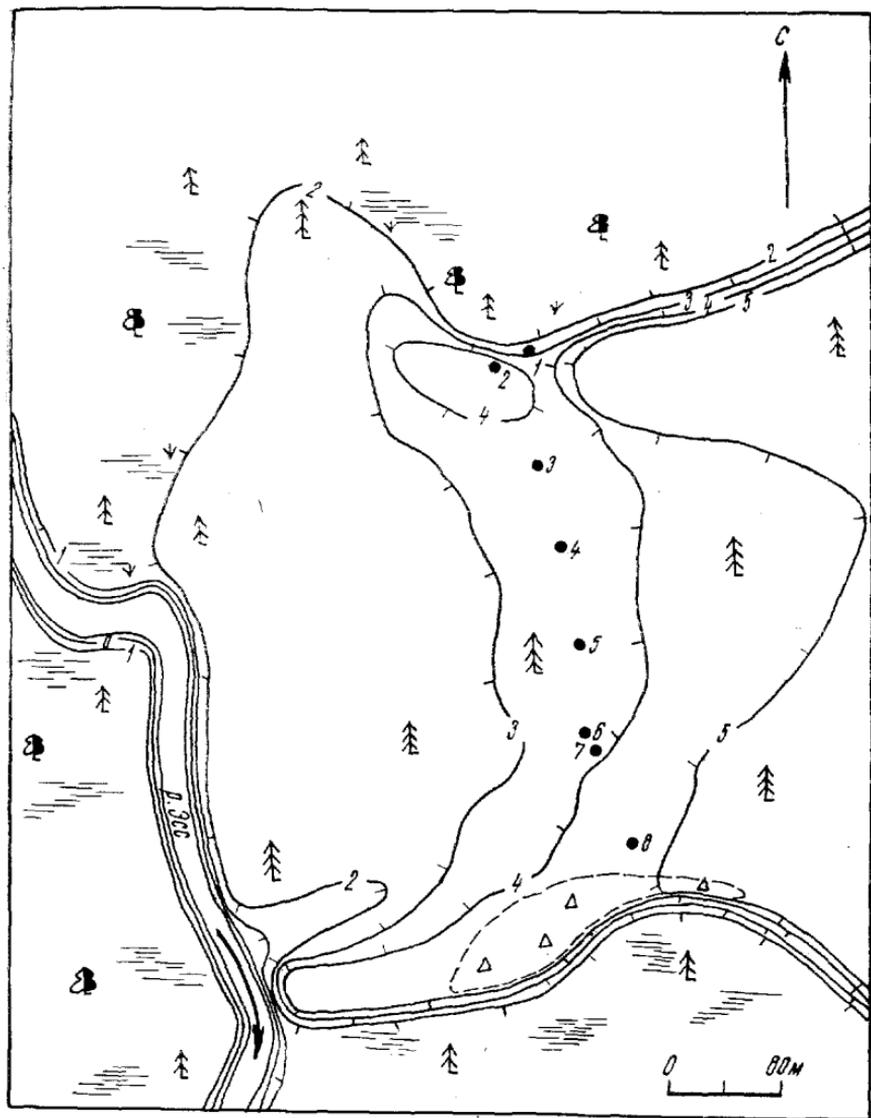

Рис. 2. Комплекс ловчих ям Геологическое I в верховьях р. Конда
 1 — границы распространения керамики; 2 — смешанный лес; 3 — кустарник.
 Ост. обозначения см. на рис. 1. Горизонталь через 1 м

В пределах того или иного комплекса чаще всего выдерживается определенный интервал между объектами. По этому своеобразному «почерку» на местности некоторые памятники могут быть распознаны среди других подобных. Однако в этом правиле имеются исключения. Так, во время съемок систем ям Амня III обнаружено, что минимальный и максимальный интервалы между объектами достигали 4 и 96 м.

Впадины, возникшие на месте ловчих ям, обычно круглой в плане формы и окружены валообразной насыпью. Ловушки, построенные в недалеком прошлом и не вполне заплывшие грунтом, имеют воронкообразный профиль. В Зауралье и прилегающих к нему районах Западной Сибири ямы в целом более крупных размеров (диаметр 5—6 м), тогда как объекты в бассейне Казыма мельче (1,5—3 м). Однако данное наблюдение носит предварительный характер и нуждается в подкреплении более многочисленными фактами.

Детальное представление об устройстве ловчих ям удалось получить в процессе археологических раскопок. На трех памятниках, расположенных в верховьях р. Эсс (комплексы Геологическое I, II и XVII), вскрыты частично или полностью семь таких объектов. Первоначально они были приняты за поселения с сохранившимися жилищными впадинами. Последнее обстоятельство предопределило выбор соответствующей методики раскопок: расчистка ям велась условными горизонтами по 5—10 см с последующей фиксацией в плане и профилях. После зачисток на материке очертания котлованов приобрели круглую или овальную форму, что в целом нетипично для жилищ и хозяйственных построек, раскопанных на этой территории. У части впадин на верхних уровнях фиксации удалось проследить своеобразные выступы. Объект 7 из комплекса Геологическое I имел четыре таких выступа, расположенных с противоположных сторон (рис. 3). Очевидно, они остались на месте выемок, в которые были уложены жерди, служившие основой для маскирующего перекрытия. О наличии последнего свидетельствуют встреченные в заполнении угли и прокалы, хотя не исключено, что часть из них связана с лесными пожарами. Дно ям неровное, переходящее в полого поднимающиеся стенки. Параметры котлованов варьируют в следующих пределах: в верхней части 3,5×3—5×4,5 м, глубина от погребенной почвы 125—148 см. Следует учитывать, что с течением времени стенки ям разрушались и фиксируемые размеры не вполне соответствуют первоначальным. Наконец, последнее, что обращает на себя внимание при раскопках,— отсутствие или предельно малое количество вещевого материала из заполнения котлованов и окружающего их пространства. Впрочем, это вполне естественно, так как взяты здесь бытовому мусору просто неоткуда.

Важные сведения, касающиеся промысла животных с использованием ловчих ям, их устройства и основных объектов

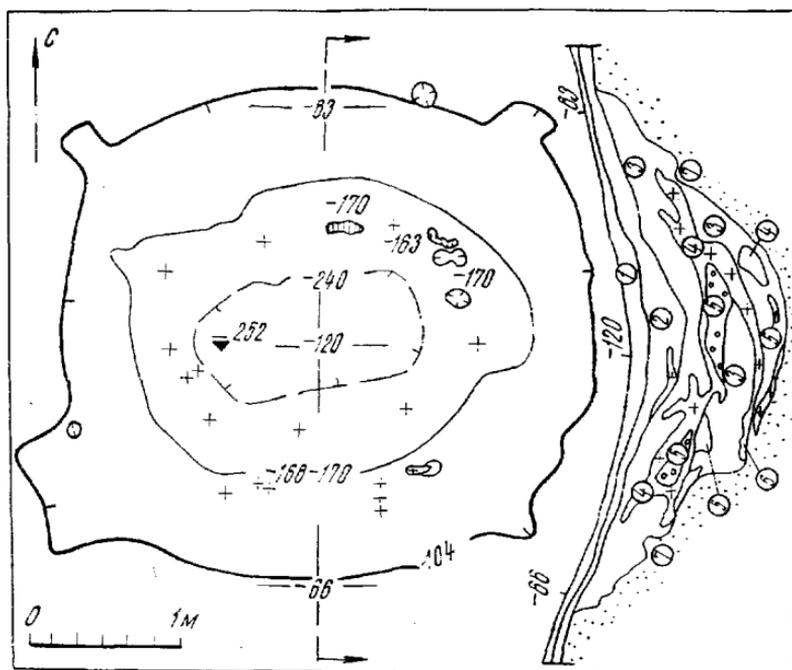

Рис. 3. Геологическое I. План и профиль ловчей ямы 7

1 — деревья; 2 — современный подзол; 3 — серо-желтый пестроцвет; 4 — пестроцвет с углями; 5 — переотложенный желтый песок; 6 — провал; 7 — материк

охоты, можно почерпнуть из этнографических данных. На территории Евразии ямы служили одним из распространенных средств промысла [2]. Таежное население применяло их наряду с другими ловушками (петлей, подрезью, сжимом) или ставными луками, которые размещались на звериных тропах либо в проходах специально возведенных изгородей [3].

На поиск ловчих ям на северо-западе Сибири натолкнуло нас сообщение, полученное от жителя кордона Хангокурт (р. Мал. Сосьва) К. А. Дунаева. Он рассказал об их использовании в недавнем прошлом и пояснил некоторые особенности устройства. Между ямами выстраивались жердевые изгороди, которые препятствовали свободному проходу животных мимо ловушек. На дне ям вбивались лиственничные колышки, поражавшие падавших туда животных (лося, северного оленя). На вопрос, сколько ловушек достаточно для обеспечения мясом, К. А. Дунаев ответил: «Нам с тобой хватит двадцати штук».

В свое время на промысловые ямы и связанные с ними изгороди обратил внимание В. Н. Чернецов. При попытке интерпретации одной из групп уральских писаниц он привлек соответствующие данные скандинавской и урало-западносибирской этнографии [4]. Среди них особый интерес представляют данные, записанные у обских угров И. Лепехиным и А. Ф. Тепло-

уховым. И. Лепехин сообщает, например, что ямы-ловушки входили в системы изгородей, протяженность которых достигала 15 верст и более. Через определенные интервалы — сажнях в 20 (около 40 м) — в изгородях оставлялись проходы шириной в маховую сажень (1,76 см). Здесь выкапывались продолговатые ямы, напоминающие могилы, глубиной в сажень (около 2 м). В ямах находились заостренные кольца. Сверху ловушки маскировались хворостом и притрухивались листом и хвоей [4]. А. Ф. Теплоухов уточняет, что ямы с загородками располагались рядами по путям миграций копытных через Уральский хребет. Помимо основных изгородей он упоминает об устройстве поперечных «огородов». Ловушки перекрывались тонкими жердями, которые маскировались дополнительно ветками и мхом. Обычные размеры объектов $2 \times 1,5$ м при глубине 2 м. Во избежание обсыпки стенки котлованов укреплялись кольями [4]. Системы ловушек, имевших, очевидно, меньшие параметры, использовались для добывания крупной боровой дичи. Б. Н. Городков описывает устройство приспособлений следующим образом: «...Делают тальниковый забор на большом протяжении по берегу реки, высотой около аршина (71,12 см), и делаются тогда отверстия в нем для прохода птицы» [5, с. 205]. В этих местах устанавливались петли либо выкапывались ямы. Иногда выкапывались одиночные ямы, не образывавшие каких-либо систем и не имевшие пристроенных загородей. Они размещались отчасти непосредственно на звериных тропах. Подобные ловушки показаны на гравюре XVII в. [6]. Кроме сцены охоты на оленей с использованием загонов, в правой половине рисунка изображены две ловчие ямы, над которыми на согнутых вершинах деревьев висят олень и, по-видимому, лиса. Совершенно очевидно, что это приманка для хищников.

Нетрудно заметить, что из приведенных сведений наибольшее число параллелей с кондо-сосьвинскими и казымскими памятниками имеют системы ловушек, рассмотренные И. Лепехиным и А. Ф. Теплоуховым. Исходя из этих данных и устного сообщения К. А. Дунаева, можно заключить, что обнаруженные нами ловушки предназначались для промысла крупных копытных (лося, северного оленя) и располагались на путях их сезонных и суточных миграций. Об этом красноречиво свидетельствует топография, планиграфия памятников, размеры впадин, а также немногочисленные фаунистические остатки, которые обнаружены неподалеку от ям на Геологическом II и Амне IV. Они залегали под лесной подстилкой, уходя, отчасти, в слой современного подзола. Кости со второго памятника имели лучшую сохранность и принадлежали двум особям северного оленя и лосю (определения проведены научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО АН СССР П. А. Косинцевым).

Вполне обоснован вопрос о поздней датировке обнаруженных ловчих сооружений. Многие из обследованных нами систем, ве-

роятно, оставлены в недалеком прошлом, но есть и такие, которые имеют безусловно «археологический» возраст. В этой связи обратимся к немногочисленным находкам, а также к наблюдениям, сделанным в ходе работ. В комплексе Геологическое I вещевой материал происходит из объектов 5—8. Во впадине найдены мелкий фрагмент керамики и острое ножа или наконечника из камня сланцевой породы. В заполнении впадины встречена шлифовальная плитка из светло-коричневого песчаника, служившая для заточки небольших металлических или каменных предметов. В двух метрах от впадины 7 зафиксирован отщеп из черной кремнеземной породы. Судя по следам сработанности, он использовался непродолжительное время в качестве ножа по мягкому материалу (определение каменных орудий проведено научным сотрудником Института истории и археологии УрО АН СССР Н. А. Алексашенко). И наконец, в объекте 8 были встречены фрагменты сосуда лозьвинского типа (эпоха поздней бронзы), впрочем, окончательная датировка сооружения затруднена тем, что керамика могла попасть в заполнение из расположенного рядом поселения. На памятнике Геологическое II единственная находка — скол с кварцевой гальки — обнаружена рядом с очертаниями сооружения 6. Прочий вещевой инвентарь, собранный рядом в лесозащитных полосах включает отщепы кварца, кремневый нож на сломанном наконечнике стрелы и фрагменты керамики лозьвинского типа. Помимо керамики на относительную древность ловушек может указывать присутствие кварцевого сырья. На северо-западе Сибири оно активно использовалось для изготовления орудий в каменном и бронзовом веках. В системе ловчих ям Геологическое XVII находки встречены при раскопках первого сооружения. В его заполнении на глубине примерно 1,5 м от поверхности найдены расколота надвое кварцевая галька и два отщепа из той же породы. Еще два кварцевых отщепа лежали неподалеку (в 20—40 см) от котлована. На архаичный возраст данного объекта указывают не только находки, но и стратиграфические исследования. Дело в том, что вокруг котлована на периферических профилях отмечены две погребенные почвы и, следовательно, два разновременных выброса. К сожалению, при датировке объектов и памятников не использованы преимущества радиоуглеродного метода, который должен быть применен в последующих работах. Имеющиеся факты позволяют предполагать относительно ранний возраст некоторых памятников, открыты на р. Эсс. Кстати, Эрнст Манкер, один из исследователей ловчих ям у саамов, допускает, что промысел подобного рода может относиться даже к неолиту [Цит. по 2].

Обнаружение среди ловчих ям несомненно архаичных объектов делает беспредметным спор об археологической или этнографической принадлежности этой группы источников. В зависимости от датировок они в равной степени могут быть испол-

зованы для изучения хозяйственной деятельности и социальной организации как древнего, так и современного таяжского населения. При этом исследователи, изучающие древние периоды, получают еще одну группу источников, позволяющую полнее использовать возможности ретроспективного метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пигнатти В. Краткое сообщение о поездке на р. Конду летом 1910 года // Ежегодник губернского тобольского музея. Вып. XX. Тобольск, 1912.
2. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
3. Коровушкин Д. Г. Крупные копытные в системе пассивной охоты таяжских этносов Западной Сибири // Третий международный симпозиум по лосям: Тез. докл. Сыктывкар, 1990.
4. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. 1971. Вып. В4-12 (2).
5. Городков Б. Г. Река Конда // Землеведение. Кн. III — IV. М., 1912.
6. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Расы, народы, культуры. М., 1971.

УДК 930.26

Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. ISBN 5-7691-0232-2.

Публикуются материалы, характеризующие древние производственные структуры в свете проблемы взаимосвязи материального и духовного. На базе новых данных рассмотрен широкий круг проблем, относящихся к различным периодам от каменного века до средневековья.

Сборник рассчитан на археологов, историков, краеведов.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук **Л. Н. Корякова**

Рецензенты

В. И. Стефанов,
кандидат исторических наук **И. Б. Васильев**